

История Русской словесности

Часть 2. Отдел 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И90

И90 История Русской словесности: Часть 2. Отдел 2 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 421 с.

ISBN 978-5-519-49553-0

Новый период. Литература в царствование Екатерины II. Одобрена в первом издании Учёным Комитетом Министерства Народного Просвещения в качестве учебного пособия в гимназиях и других средних учебных заведениях.

ISBN 978-5-519-49553-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

собственномъ смыслѣ, а было смѣшеніе той и другой, особая энциклопедическая форма науки и литературы; названіе „энциклопедической“, данное этой умственной и литературной дѣятельности, по главному ея органу „Энциклопедіи“, кажется, всего лучше и можетъ характеризовать ее. Эта философія-литература обыкновенно называется французскою философіей; но Франція была не столько изобрѣтательницей, сколько распространительницей ея. Корни идей философіи XVIII в. лежатъ глубже, въ томъ умственномъ движеніи Европы, которое началось еще со времени реформаціи и прежде всего развилось въ Англіи и Голландіи. Въ Англіи, послѣ философской реформы Бэкона и великихъ открытій Ньютона и другихъ ученыхъ, при быстромъ развитіи физико-математическихъ и естественныхъ наукъ и особенно опытной философіи Локка, во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности явились новыя идеи, религіозныя, ученныя, государственныя и общественныя. Въ сферѣ религіозно-нравственной здѣсь развился деизмъ (естественная религія разума) и тѣсно связанное съ нимъ ученіе нравственной философіи, или ученіе моралистовъ, выразившіяся въ сочиненіяхъ Коллинза (род. 1676 г. Разсужденіе о свободномъ мышленіи), Лайбница (О непогрѣшимости человѣческаго разума), Толанда (1670—1722; Христіанство безъ тайнъ, Платенстиконъ), Шафтсбери (1670—1713; Исслѣдованіе о добродѣтели, Моралистъ), Болинброка (ум. 1751). Гютчесона (ум. 1747), Фергюсона (ум. 1816) и др.; въ философіи и наукѣ вообще изъ сочиненій Локка (1632—1704; Опытъ о познавательной способности челоѣка, Письма о религіозной терпимости, Книга о воспитаніи) развился сенсуализмъ, перешедшій потомъ въ матеріализмъ и съ особенною полнотою выразившійся въ сочиненіяхъ французскаго философа Кондильяка (ум. 1780), который въ своемъ трактатѣ о чувствованіяхъ источникомъ всѣхъ идей и познаній поставилъ чувственное ощущеніе (*juger est sentir*); въ области политической явились новыя идеи о государствѣ и государственномъ устройствѣ, о законодательствѣ и управленіи; въ области педагогической, въ наукѣ о воспитаніи и образованіи, новая теорія воспитательная, основанная на указапныхъ Локкомъ (книга о воспитаніи) пачалахъ природной простоты и свободы. Голландія и Швейцарія, какъ самыя свободныя страны, сдѣлались первымъ и главнымъ пристанищемъ этихъ новыхъ идей. Въ Нидерландахъ поселился скептикъ Бэйль († 1706) и въ своемъ „Историко-критическомъ словарѣ“ первый пачалъ указывать разные недостатки въ области религіи, науки и государства. Потомъ, будучи перенесены во Францію, новыя идеи, чрезъ посредство французскаго языка и французской литературы, стали распространяться по всей Европѣ. Первымъ

распространителемъ этихъ идей во Франціи и другихъ странахъ былъ Вольтеръ (1694—1778) ⁽¹⁾. Познакомившись съ ученіемъ англійскихъ деистовъ и моралистовъ, онъ распространялъ это ученіе во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ и, проповѣдуя естественную религію разума, выѣстъ съ тѣмъ съ ожесточеніемъ нападалъ на откровеніе, христіанство и церковь. Въ тоже время Монтескье (1689—1755) въ своихъ сочиненіяхъ излагалъ новыя общественныя и политико-государственныя идеи; въ „Духѣ законовъ“ онъ разсматривалъ всѣ существующія формы государственнаго управленія и особенное вниманіе Европы обратилъ на конституціонныя формы этого управленія въ Англіи. Это первый періодъ французской философіи и литературы. Второй, дальнѣйшій періодъ ея составляетъ ученіе энциклопедистовъ, во главѣ которыхъ стояли Дидро и Даламберъ ⁽²⁾. Въ своемъ энциклопедическомъ словарѣ „Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonné des Sciences, des Arts et des Metiers“ (первые два тома вышли въ 1751 и 1752 г.) они стремились всѣ новыя идеи религіозныя, научныя и политическія перевести изъ книгъ и круга ученыхъ людей во всѣ классы общества, и распространить такимъ образомъ повсюду, способствовать практическому ихъ примѣненію въ жизни. Самыми характерными сочиненіями Дидро (1713—1784), послѣдовательно представляющими сначала скептическое, а потомъ матеріалистическое и атеистическое его ученіе, надобно признать „Философскія мысли“, „Письма о слѣпыхъ“, „Письма о глухихъ и вѣмыхъ“, „О матеріи и движеніи“, „Размышленія о книгѣ о Духѣ“ и наконецъ „Разговоръ между Даламберомъ и Дидро“ и „Совѣтъ Даламбера“, самое обширное и самое смѣлое изложеніе его чистаго матеріализма и атеизма. Даламберъ (1717—1783) былъ математикъ и въ тоже время занимался философіей. Какъ математикъ, онъ извѣстенъ преимущественно „трактатомъ о динамикѣ“; какъ издатель Энциклопедіи, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своимъ знаменитымъ „Предисловіемъ къ Энциклопедіи“ (Discours préliminaire), въ которомъ онъ представилъ новую систему человѣческихъ познаній или новую классификацію наукъ, на основаніи ихъ современнаго развитія, опредѣливъ мѣсто и значеніе каждой науки, ея предѣлы и отношеніе къ другимъ наукамъ. Къ Дидро и Даламберу примыкало множество ученыхъ и писа-

⁽¹⁾ Вольтеръ. Его жизнь и сочиненія. В. О. Корни. Вѣст. Европы 1880; ноябрь и декабрь.

⁽²⁾ Дидро и Энциклопедисты Дж. Морлея. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. М. 1882.—Екатерина II и Энциклопедисты О. О. Миллера. Новь 1884.

телей того времени. Одни изъ нихъ принимали непосредственное участіе въ Энциклопедіи и помѣщали въ ней свои статьи; другіе же, хотя не помѣщали въ ней своихъ статей, но, вполне припимая идею и вообще ученіе ея издателей, содѣйствовали ихъ распространенію своими отдѣльными книгами и сочиненіями. Изъ нихъ особенную извѣстность приобрѣли: Гольбахъ (1723—1789), своимъ сочиненіемъ „Система природы“ (*Systeme de la Nature*), въ которой излагается система чистаго матеріализма; Гельвеційсъ (1715—1771) своей книгой „О духѣ“ (*Sur l'Esprit*), которая заключаетъ ученіе объ эгоизмѣ, какъ главномъ основаніи и источникѣ всѣхъ побужденій, стремленій и дѣйствій человѣческихъ; Ламетри (1709—1751) своими сочиненіями: „Естественная исторія души“ (*Histoire naturelle de l'Ame*) и „Человѣкъ машина“ (*L'homme machine*), въ которыхъ проповѣдуется, что настоящее счастье человѣка заключается въ чувственномъ наслажденіи; Морелли своей книгой „Основной законъ или уставъ природы“ (*Codé de la nature*), въ которой излагается ученіе, что человѣкъ отъ природы добръ, а испортили его только превратныя ученія и учрежденія; что улучшение и совершенное блаженство могутъ быть достигнуты только устраненіемъ собственности и государственной морали, основанной на себялюбіи; что основу новаго общества должны составлять общность имущества, трудъ для общества, общественное воспитаніе и безграничное равенство всѣхъ (сочиненіе это долго, но несправедливо приписывалось Дидро). Но въ то время, какъ Вольтеръ, Дидро и энциклопедисты, раскрывая всѣ недостатки и злоупотребленія во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, и полагая главный ихъ источникъ въ невѣжествѣ, громко и настойчиво требовали полнаго и повсюднаго господства разума и просвѣщенія. Руссо⁽¹⁾ началъ доказывать, что современное просвѣщеніе, современныя науки и цивилизація имѣютъ такое превратное и гибельное направленіе, что могутъ подавать только поводъ къ самымъ сильнымъ возраженіямъ противъ всякаго просвѣщенія, науки и цивилизаціи, что вообще, чѣмъ больше человѣкъ учится и развивается, тѣмъ болѣе портится въ нравственномъ отношеніи и становится несчастнѣе въ жизни, что единственное средство для того, чтобы уничтожить зло, или положить конецъ испорченности, заключается въ томъ, чтобы возвратиться къ природѣ, къ простымъ и естественнымъ принципамъ первоначальныхъ человѣческихъ обществъ, когда еще не было ни наукъ, ни искусства, ни богатства, ни роскоши, но не было и испорченности нравовъ. Такія

(¹) Руссо. Дж. Мореля. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. М. 1882.

мысли были изложены Руссо въ первомъ его сочиненіи, написанномъ въ отвѣтъ на вопросъ Дижонской Академіи: „Способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ исправленію правовъ“. Съ болышею силою и подробностію онъ развилъ ихъ въ послѣдовавшихъ за нимъ сочиненіяхъ: „О причинахъ неравенства между людьми“ и „Общественномъ договорѣ“. Въ сочиненіи „О причинахъ неравенства между людьми“, поставляя самымъ вреднымъ слѣдствіемъ образованія то, что оно, возвышая таланты и знанія, распространило неравенство между людьми, онъ признаетъ это неравенство корнемъ всѣхъ золъ; изъ неравенства, по его словамъ, произошло богатство, изъ богатства роскошь и праздность, изъ роскоши и праздности искусство и науки и т. д. Выходитъ, что всякое неравенство между людьми есть слѣдствіе ихъ испорченности и что испорченность возникаетъ въ слѣдствіе образованія и общественнаго развитія, которыя, развивая способности людей и совершенствуя ихъ разумъ, въ тоже самое время портятъ ихъ, такъ что, по его мнѣнію, въ каждомъ человѣкѣ, степень его испорченности соразмѣрна степени его образованія. Такія идеи привели Руссо къ совершенно новому плану государственнаго устройства, на началахъ простоты и естественности и абсолютной свободы, братства и равенства, который онъ и представилъ въ Общественномъ договорѣ (*Contrat social*). Характеръ этого сочиненія чисто демократическій; основная его идея—мысль о верховномъ правѣ народа; изъ каждой строки его слышатся столь роковыя въ послѣдствіи слова *liberté, fraternité, égalité*. Чтобы сдѣлать понятнѣе всѣ свои идеи и провести ихъ во всѣ классы общества, Руссо написалъ два романа: „Юлія, или новая Элоиза“ и „Эмилъ, или о воспитаніи“. Последнее сочиненіе получило чрезвычайно важное значеніе, потому что въ немъ были представлены критика современнаго воспитанія и образованія, домашняго и школьнаго, и въ замѣнъ его теорія новаго воспитанія на началахъ простоты, естественности и свободы, а въ послѣдней части, противъ ученія матеріалистовъ и атеистовъ, было изложено ученіе Руссо о религіи и религіозномъ чувствѣ, о вѣрѣ въ Бога и безсмертіи души (*Profession de foi du vicairе savoyard*). Время Руссо составляетъ третій періодъ французской философіи, когда ея идеи изъ книгъ начали переходить въ народъ и прилагаться къ жизни въ разныхъ ея сферахъ.

Мы замѣтили, что быстрому распространенію идей новой философіи всего больше содѣйствовали во Франціи издавна разлившіеся и въ это время особенно усилившіеся разные недостатки и нестроенія во всѣхъ сферахъ жизни. Въ сферѣ религіозной и церковной господствовали грубое суевѣріе въ народѣ и

страшный фанатизмъ и нетерпимость католическаго духовенства, выразившіеся въ ожесточенныхъ религіозныхъ спорахъ, въ преслѣдованіяхъ протестантовъ и лютерановъ; въ области государственной, при неограниченномъ деспотизмѣ власти, возмутительныя злоупотребленія чиновниковъ и нетерпимый гнетъ бѣдныхъ и слабыхъ, со стороны богатыхъ и сильныхъ: въ общественной и частной жизни поражали страшная испорченность нравовъ и открытый развратъ. Очень понятно, что ученіе философіи, которая объявляла протестъ противъ такой испорченности и такихъ злоупотребленій и обѣщала вывести человѣчество на новый лучшій путь, принято было съ восторгомъ. вмѣсто религіознаго фанатизма, философія проповѣдывала вѣротерпимость, свободу совѣсти и разумное отношеніе къ предметамъ вѣры; въ области государственной, вмѣсто деспотизма и абсолютизма. новыя разумныя начала власти, новыя гуманныя отношенія между правителями и управляемыми, новыя законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ; во всю жизнь общественную и частную стремилась ввести принципы свободы, братства и равенства между людьми. Руссо возсталъ противъ роскоши, изысканности, испорченности нравовъ. Явилась новая наука о воспитаніи, основанная на началахъ свободы, простоты и естественности. Эта наука обѣщала перевоспитать человѣчество и создать новую породу людей, свободную отъ прежнихъ суевѣрій, предразсудковъ и пороковъ. Очень понятно, что такіа идея и стремленія философіи были приняты съ увлеченіемъ всѣми людьми, которые были недовольны существующимъ порядкомъ; за нихъ съ жаромъ ухватились и всѣ государственныя лица и правители въ Европѣ и начали совершать по нимъ разныя реформы. Таковы были въ Пруссіи Фридрихъ II., въ Австріи Іосифъ II, въ Шведіи Густавъ III, у насъ въ Россіи Екатерина. Очень понятно, что и самый вѣкъ, въ который явился и сталъ распространяться такіа идея и стремленія, былъ наравѣ вѣкомъ просвѣщенія, вѣкомъ философскимъ.

Но вѣкъ просвѣщенія не оправдалъ тѣхъ великихъ надеждъ, какія на него возлагали. Между идеями философіи и дѣйствительною жизнью оказалось безмѣрное разстояніе и непроходимая бездна. Оказалось, что идея, какъ отвлеченное понятіе, еще далеко не вещь, что нѣкоторыя новыя идеи, напр. объ абсолютной свободѣ и равенствѣ между людьми, какъ составленныя путемъ теоріи, отвлеченно отъ дѣйствительности, совсѣмъ и неприменимы въ дѣйствительности; другія же идеи, переходя въ дѣйствительность, подъ влияніемъ невѣжества или злонамѣренности, разныхъ страстей, интересовъ и другихъ условій жизни, совершенно измѣняются и получаютъ совсѣмъ нежелательное направленіе и

неблагоприятный исходъ, что часто изъ хорошей, самой по себѣ, идеи могутъ произойти самыя дурныя дѣла. Изъ высокой идеи иѣротерпимости, при неправильномъ ея пониманіи, развивается индифферентизмъ, или совершенное безразличіе въ иѣрованіи, а потомъ и совершенное равнодушіе ко всякому иѣрованію и ко всякой религіи. Изъ идеи разумнаго отношенія къ предметамъ вѣры, которое сначала совершенно справедливо проповѣдывалось, какъ необходимое средство противъ религіознаго фанатизма и разныхъ суевѣрій, а потомъ вышло изъ разумныхъ границъ и было перенесено на предметы Откровенія, совершенно недоступныя для разума, образовался деизмъ, или естественная религія разума, которая и была поставлена на мѣсто христіанскаго откровенія; изъ деизма же скоро развились матеріализмъ и атеизмъ. Сначала философія справедливо возставала противъ разныхъ суевѣрій, вкравшихся въ область религіи, а потомъ уже совершенно несправедливо стала говорить, что и вся религія вообще есть выдумка жрецовъ, или обманъ государей, захотѣвшихъ посредствомъ ея обуздывать своихъ подданныхъ. Вольтеръ, проповѣдуя религію разума, съ ожесточеніемъ, въ тоже время, нападалъ на откровеніе, христіанство и церковь. Но если Вольтеръ былъ деистъ и хотя отвергалъ всякую положительную религію, однако же допускалъ бытіе Бога, говорилъ, что если бы не было Бога, то сего необходимо было бы выдумать, и находилъ нужнымъ, хотя въ видахъ политическихъ, признавать безсмертіе души, то Дидро и энциклопедисты проповѣдывали уже чистый матеріализмъ и атеизмъ. Дидро положительно отвергалъ личнаго Бога и личное безсмертіе души. Въ душѣ человѣка онъ видѣлъ только возвышеніе и усовершеніе постоянно волнующагося смѣшенія матеріи. „Если иѣра учитъ насъ, говорилъ онъ, какъ всѣ живыя существа вышли изъ рукъ Творца, то философъ, представленный своимъ собственнымъ догадкамъ, долженъ былъ бы скорѣе составить себѣ убѣжденіе, что природа (animalité) отъ вѣка имѣла свои особенныя элементы, которые соединялись между собой, потому что это соединеніе лежало въ ихъ возможности. что зародышъ, происшедшій изъ этихъ элементовъ, прошелъ потомъ чрезъ множество образованій и формъ, и наконецъ, переходя различныя ступени, возвысился до движенія, ощущенія, мышленія, страсти, до языка, права, науки и искусства, какъ иѣкогда онъ, можетъ быть, пройдетъ еще другія до сихъ поръ неизвѣстныя развитія“. Во всемъ мірѣ Дидро видѣлъ только постоянное измѣненіе матеріи, безконечное круговое движеніе жизни. „Какъ въ каждомъ атомѣ происходитъ безустанное движеніе, такъ тоже постоянное броженіе происходитъ и въ другомъ атомѣ, называемомъ землею.... Все мѣняется, но цѣлое остается и не-

измѣняется... Что говорите вы объ индивидуумахъ? Ихъ нѣтъ. Есть одинъ только великій индивидуумъ, это — вселенная. Въ этой вселенной, какъ въ машинѣ или съ какою нибудь живомъ существѣ, есть различныя части, которыя вы называете такъ или иначе, но если вы даете этимъ отдѣльнымъ частямъ названіе индивидуума, то это такъ же фальшиво, какъ если бы вы у птицы назвали индивидуумомъ крыло, или одно перо изъ крыла". — Гольбахъ въ своей „Системѣ природы“ говорилъ: „Въ мірѣ не существуетъ ничего, кромѣ вѣчной, самой собою существующей матеріи и ея движенія. Все отъ нея происходитъ и все въ нее возвращается; вездѣ господствуетъ строгая необходимость, вѣщный механизмъ. То, что люди называютъ душой, умираетъ вмѣстѣ со смертію тѣла, точно такъ, какъ прекращается музыка, когда струны лопнутъ“. Воспитанникъ Кондильяка, Гельвеційсъ, принявшій его ученіе объ ощущеніи, какъ единственномъ источникѣ познанія, доказывалъ въ своей книгѣ „О духѣ“, что началомъ и основаніемъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ служитъ эгоизмъ. „Такъ какъ все, говоритъ онъ, происходитъ отъ ощущенія, то одно себялюбіе и личная выгода есть двигатель всѣхъ нашихъ сужденій и поступковъ. Польза и выгода составляютъ въ мірѣ нравственнымъ основаніе всѣхъ измѣненій, какъ движеніе въ мірѣ физическомъ“. Атенамъ и матеріализмъ неизбежно должны были повести къ совершенному отверженію всякихъ началъ нравственности и къ жизни чисто чувственной. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить сочиненія Ламетри „Естественная исторія души“ и „Человѣкъ машина“, въ которыхъ, вмѣстѣ съ самымъ крайнимъ матеріализмомъ, проповѣдуется чувственная жизнь и наглый развратъ. „Высшее, чего можетъ достигнуть человѣкъ, по мнѣнію Ламетри, есть только чувственное наслажденіе. Такъ какъ минималъ духовность человѣка есть въ сущности тѣлесность, то мы прежде всего должны стремиться къ тѣлесному счастью.... Истинная философія знаетъ только временное блаженство; она разбрасываетъ на нашемъ пути розы и цвѣты; добродѣтель и честность чужды нашей природѣ; это украшеніе, но не основаніе нашего счастья (¹)“. Такимъ образомъ вся мудрость человѣческая сводится къ искусству наслаждаться жизнью. — Руссо возсталъ противъ ученія матеріалистовъ и атенстовъ, противъ испорченности и развращенія нравовъ; но, защищая религіозное чувство и вѣру въ Бога, онъ въ тоже время отвергалъ откровеніе и всякую положительную религію; въ ученіи же о государствѣ, какъ мы замѣтили выше, доходилъ до совершеннаго

(¹) Ист. лит. Геггнера II, 233; 240; 242; 290; 292—293.

отрицанія всего государственнаго строя. Возставъ противъ роскоши и распущенности нравовъ, онъ проповѣдывалъ возвращеніе къ дикимъ временамъ, когда не было ни науки, ни искусства, ни цивилизаціи. „Состояніе общественности и государственности между людьми неестественно, развитіе духовныхъ даровъ и способностей вредно, и состояніе физическаго довольства, не нарушаемаго даже мыслию о какихъ нибудь духовныхъ потребностяхъ, есть самое нормальное состояніе и всякое удаленіе отъ такого состоянія портитъ человѣка и дѣлаетъ его несчастнымъ“ — вотъ какіе выводы дѣлалъ изъ первыхъ сочиненій Руссо тогдашнее педопольное и озлобленное на существующій порядокъ поколѣніе; а парадоксальныя идеи Руссо въ „Общественномъ договорѣ“ объ абсолютной свободѣ и верховномъ правѣ народа производили еще болѣе разрушительное дѣйствіе въ умахъ и сдѣлались однимъ изъ самыхъ сильныхъ возбужденій къ революціи.

Такимъ образомъ, философія XVIII в., начавъ съ искорененія злоупотребленій и недостатковъ въ разныхъ сферахъ жизни, не остановилась на этомъ, но скоро перешла къ отрицанію самихъ, издавна установившихся, формъ жизни. Но если въ разныхъ сферахъ человѣческой жизни, религіозно-нравственной, ученой, государственной, накопилось въ теченіе многихъ вѣковъ множество злоупотребленій и недостатковъ, то отсюда слѣдовало только то, что необходимо очистить ихъ отъ этихъ недостатковъ, но никакъ не слѣдовало необходимости уничтожить самыя эти сферы, отвергнуть религію, науку и государство. И религія, и наука, и государство произошли изъ необходимыхъ существенныхъ потребностей природы человѣка; онѣ не навязаны насильно человѣку, а созданы имъ же самимъ. Философія просвѣщенія не ограничилась одною просвѣтительною ролью. Философы не захотѣли быть просто свободными мыслителями, а стали деспотически распространять свое ученіе. Начавъ свою философскую миссію проповѣдью о вѣротерпимости и протестомъ противъ фанатизма, они доходили въ нихъ такъ же до сильнаго фанатизма и нетерпимости. Вольтеръ и энциклопедисты преслѣдовали христіанское ученіе съ такимъ же ожесточеніемъ и нетерпимостію, съ какими въ средніе вѣка преслѣдовали разныхъ ересей. Упрекая католичество за то, что оно хочетъ властвовать во всемъ мірѣ, философія сама захотѣла занять его мѣсто и стремилась такъ же сдѣлаться всемірною религіею. Философія, конечно, оказала великую услугу тѣмъ, что раскрыла множество злоупотребленій и недостатковъ; но, преслѣдуя эти злоупотребленія и недостатки, она не щадила ничего важнаго и священнаго и одинаково нападала на истины и авторитеты на томъ только основаніи, что это старыя истины и старые авторитеты. Особенно такой раз-

рушительный характер имѣла дѣятельность Вольтера, который безпощадно преслѣдовалъ все, что не подходило подъ его воззрѣнія. Въ сочиненіяхъ всѣхъ великихъ дѣятелей въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ и политикѣ, которымъ человечество до сихъ поръ приписывало авторитетъ, было много ошибокъ, которыя въ послѣдствіи, естественно, и открылись; но Вольтеръ, скрывая эти ошибки, всегда старался поставить вопросъ такъ, что уничтожалъ всякій авторитетъ, возбуждалъ недовѣріе ко всякому авторитету. „Имѣя дѣло только съ фактами, говоритъ Плоссеръ, оцѣнивая такую дѣятельность Вольтера, мы не станемъ здѣсь доказывать, что возбужденіе недовѣрія къ пастырямъ человечества не можетъ совершаться безъ величайшей опасности для нравственности цѣлой націи, что хотя скептическое воззрѣніе Вольтера на жизнь всегда и во всякое время составляетъ необходимую принадлежность высшихъ сословій, однако, перейдя изъ книгъ и салоновъ въ гражданскую жизнь и народную массу, оно немедленно обращается въ страшную язву, которая отравляетъ всѣ элементы жизни“ (¹).

Такимъ образомъ вполне понятно становится та судьба философіи XVIII в., на которую мы указали выше. Чуждые идеи и протестъ противъ современныхъ заблужденій, которыми эта философія заявила себя съ самаго начала, вызвали всеобщее къ ней сочувствіе; но отрицаніе всѣхъ основныхъ началъ жизни, на которыхъ зиждутся всѣ упованія, счастье и спокойствіе человѣка, отрицаніе, къ которому она пришла въ послѣдствіи, естественно, должно было возбудить противъ нея гоненіе. Совершенно понятно, что какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, тѣ же самыя лица, которыя сначала увлекались идеями этой философіи и старались распространять ихъ въ обществѣ, потомъ не только отрекались отъ нея, но и дѣлались ея гонителями, что импер. Екатерина, почти первая въ Россіи познававшаяся съ ученіемъ энциклопедистовъ, совершенно перемѣнила взглядъ на нихъ, что многіе русскіе писатели, сначала увлекавшіеся этимъ ученіемъ, объявляли противъ него громкій протестъ. Это началось особенно тогда, когда событія французской революціи показали, къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ ведетъ разрушающее всѣ основы жизни ученіе новой философіи. „Ничто такъ не вредитъ правильности свободнаго развитія человеческихъ обществъ, — говоритъ нашъ историкъ Соловьевъ, противопоставляя разрушительной дѣятельности Вольтера и другихъ писателей отрицательнаго направленія умѣренность и сдержанность требованій Монтескье въ „Ду-

(¹) Истор. XVIII и XIX стол. Спб. 1858. II, 332.

хѣ законовъ“, — какъ революціонныя требованія, пугающія не только правительства, но и народное большинство, заставляющія его опасаться за самые существенные интересы общества: человекъ убѣжденъ въ необходимости выйти изъ дому подышать чистымъ и свободнымъ воздухомъ; но испуганный ревомъ бури, ливнемъ и холодомъ, спѣшитъ затворить окна и предпочитаетъ остаться въ душной атмосферѣ своей тѣсной комнаты“ (1).

Народность и другіе элементы въ литературѣ Екатерининской эпохи. При стремленіи къ усвоенію современныхъ идей европейскаго просвѣщенія, эпоха Екатерины была въ тоже время эпохою развитія національнаго сознанія. Национальное сознаніе русскихъ людей довольно рѣзко заявило себя уже въ прежнее царствованіе импер. Елисаветы, какъ въ политикѣ самой императрицы, такъ и въ патристическихъ стремленіяхъ Ломоносова, Шувалова, Сумарокова и другихъ русскихъ дѣятелей; но, будучи вызвано ближайшимъ образомъ внѣшними обстоятельствами и преимущественно преобладаніемъ вѣмеккой партіи при дворѣ и притѣсненіями русскихъ со стороны иностранцевъ въ разныхъ правительственныхъ сферахъ, оно и выражалось за немногими исключеніями, больше такъ же внѣшнимъ образомъ, въ борьбѣ съ иностранцами за русскіе интересы. Въ царствованіе же Екатерины національныя стремленія получаютъ твердую почву и разумную основу. Больше близкое знакомство съ европейскою цивилизаціей показало, что пѣи нельзя брать все безъ разбора, что весьма многое въ учрежденіяхъ, нравахъ и обычаяхъ каждаго европейскаго народа образовалось изъ чисто національных потребностей и развилось путемъ историческимъ и слѣдовательно не можетъ быть свойственно вполне русскому народу, воспитавшемуся при другихъ національных и историческихъ условіяхъ, что и въ Европѣ есть также много сторонъ пехорошихъ, заблужденій и пороковъ и вообще много такого, отъ чего хотѣли бы освободиться сами европейцы. Между тѣмъ, большинство русскихъ людей, понявъ европейскую цивилизацію чисто внѣшнимъ образомъ, на эти стороны и обратило свое вниманіе и вмѣсто хорошихъ качествъ усвоивало одни пороки и заблужденія; вмѣсто желаемого просвѣщенія въ Россіи усиливалось лжепросвѣщеніе, которое, по своимъ вреднымъ послѣдствіямъ, казалось хуже древняго русскаго невѣжества. Вредныя послѣдствія такого иноземнаго вліянія должны были возбудить въ русскихъ людяхъ вопросъ о правильномъ и разумномъ усвоеніи европейскаго про-

(1) Истор. Россіи XXVI, 212.